

УДК:811.161.3'42+811.111'42

Баханович Ангелина Сергеевна
аспирант кафедры белорусского языка
и литературы
УО «Минский государственный
лингвистический университет»
г. Минск (Беларусь)

Bakhanovich Angelina
Postgraduate Student
Department of the Belarusian language
and literature
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF IRONY IN BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGE DISCOURSE

В статье анализируются языковые и коммуникативные характеристики иронии в свете теории интенциональности, что позволяет выявить и систематизировать реализуемые лингвопрагматические функции данного явления. Фактическим материалом послужили белорусские и англоязычные произведения А. Брава, А. Горвата, П. Васюченко, Х. Филдинг, С. Кинселлы, С. Фрая. Установлено, что декодирование иронии – это когнитивный механизм, реализация которого зависит от способности реципиента к интерпретации авторского импликационала.

Ключевые слова: ирония; интенциональность; интерпретация; прагматический потенциал; прагматические функции.

The article analyzes the linguistic and communicative characteristics of irony from the point of view of the producer's intentionality, which contributes to identification and systematization of the implemented functions. The sources of ironic contexts were Belarusian and English works by the following authors: A. Brava, A. Horvat, P. Vasyuchenka, H. Fielding, S. Kinsella, and S. Fry. Decoding irony is a cognitive mechanism, the realization of which depends on the ability of the recipient to interpret the author's implication.

Key words: irony; intentionality; interpretation; pragmatic potential; pragmatic functions.

Ирония (греч. *eironeia* ‘притворство, насмешка’) – осмеяние; одна из форм отрицания. Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый;

чем больше противоречие между прямым и подразумеваемым значениями, тем сильнее эмоциональная окрашенность высказывания. Мы определяем иронию как притворное изображение отрицательного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

Прагматический аспект использования иронии заключается в том, что с ее помощью автор получает уникальную возможность выразить свое критически насмешливое отношение к описываемым объектам, событиям или реалиям, включая широкий диапазон эмоциональных оттенков (от притворного восхищения, легкой насмешки до злой издевки, шутки, намека, возмущения, неприязни, презрения, негодования). Выделяя функции иронии, отметим, что ирония – социально «маркированный способ коммуникации, с помощью которого говорящий инициирует особый тип взаимоотношений между всеми участниками» [1, л. 99]. В коммуникации ирония служит средством непрямого выражения как отрицательной, так и положительной оценки, что определяет ее функциональную направленность. Именно позиция говорящего и его коммуникативные намерения становятся отправной точкой при определении функции, которую реализует ирония в конкретной ситуации.

Само ироническое высказывание должно сигнализировать об отступлении от нормы, например, при помощи языковых средств, чтобы побудить адресата к поиску скрытого смысла. Л. Хатчеон выделяет ряд частных функций иронии, систематизированных по мере усиления интенциональности (общей предметно-смысловой направленности): усиливающая (*reinforcing*), усложняющая (*complicating*), развлекательная (*ludic*), дистанцирующая (*distancing*), самозащиты (*self-protecting*), раскрывающая суть объекта иронии (*provisional*), оппозиционная (*oppositional*), атакующая (*assailing*) [2]. Б. А. Гомлешко также фиксирует функции иронии, в которых заключена прагматическая нагрузка: оптимизация межличностных отношений; эксклюзивная (функция опровержения) – ирония как эффективное средство коммуникантов при доказательстве правильности занимаемой ими позиции; мотивация – способ имплицитного навязывания иронической оценки и побуждения адресата к самостоятельному выбору мотива для устранения недостатков, выступающих предметом критики; урегулирование разногласий – избегание излишней категоричности и определенности оценки; интимизация отношений – принятие предложения участия в иронической игре с характером доверия коммуникантов друг к другу [3].

Функции иронии детерминированы параметрами ее интерпретации, которые избираются реципиентом, поэтому отнесение контекста к той или иной функции субъективно, однако мы предприняли попытку систематизировать корпус выявленных белорусских и англоязычных контекстов, идентифицируя направленность имплицитной оценочности.

Выявленные функции можно представить в виде двух основных групп, объединенных преобладанием позитивных (выразить приязнь, сократить коммуникативную дистанцию) или негативных (выразить антипатию, само-

утвердиться) интенций продуцента (адресанта, говорящего). Границы между выявленными функциями представляются условными ввиду континуальности иронического дискурса.

Выделена такая функция, как **установление отношений авторитетности (доминирования)**, которая реализуется в иронической коммуникации посредством имплицитной критики, повышающей авторитет продуцента. С этой целью авторы художественных произведений применяют комплекс стилистических средств создания иронии: гиперболизация – *яна не дазволіць сабе памерці, пакуль не разлічыцца за машыну*; метафора – *арфа каханья; жанчына – крыніца натхнення трубадураў*. Тропы сочетаются с тактиками создания ироничности: очевидное завышение стилевого фона при помощи историзма – *трубадур*; иллюзия правдоподобности, выстроенная на предрассудках общественного или индивидуального сознания, – *ля культурнай чыстай сталіцы ўгналі аўтамабіль, закапаўшы гаспадыню пад ельнікам*; намеренный алогизм, не укладывающийся в рамки логического мышления, – *пакуль яна была з намі, яе быццам бы і не было*. Ирония начальства над подчиненными – один из способов демонстрации статуса и упрочнения главенствующей позиции, поэтому директор телеканала, на котором работает героиня, насмешливо комментирует ее отсутствие, добавляя язвительные замечания: *Гаворка пра Інгу Куродым, якую ўсе вы добра ведаеце. Пакуль яна была з намі, яе быццам бы і не было, такая казачная ўласцівасць гэтага полу. Нешта задарылася з жанчынай, крыніцаю натхнення трубадураў, арфай каханья, на чыіх плячах ляжыць вялікая стаўка. У яе няма нават коткі, затое ёсць машына маркі «Шкода Актавія». Яна за яе яшчэ не разлічылася і не дазволіць сабе памерці раней, чым гэта зробіць. Машына таксама пакуль не знойдзена ні ў выглядзе абгарэлых абломкаў, ні ў выглядзе запчастак, складзіраваных на торфбалоце, дзе пражываюць нашы грамадзяне цыганскай нацыянальнасці, якія цвёрда сталі на шлях выпраўлення. Мы верым, што машыну не прадалі падзельнікі, закапаўшы гаспадыню пад ельнікам, нядаўна ля нашай культурнай па-еўрапейску чыстай сталіцы адбыўся падобны выпадак. Вось пабачыце, Инга вярнецца да нас пасля адпачынку ў Анталіі, загарэлая і ўсё такая ж аптымістычная, бо дзе яшчэ яна здолее столькі зарабляць?*

В англоязычном дискурсе также осуществляется данная функция. Дочь приезжает к матери со старомодным чемоданом, полным ненужных мелочей. Вечно молодящаяся мама уничижительно высказывается в адрес дочери, которая, по ее мнению, отстала от моды. Номинация «впавшая в нищету Мэри Поппинс» наделена негативным подтекстом. За счет ироничной критики в адрес другого персонажа посредством колкого сравнения, декодирование которого требует литературной осведомленности, начитанности, говорящий поднимает собственный статус: – *Oh, darling, you can't go around with that tatty green canvas thing. You look like some sort of Mary Poppins person who's fallen on hard times* – Доченька, ну куда годится эта зеленая холщовая торба! Ты с ней похожа на впавшую в нищету Мэри Поппинс?.

Следующая функция – **упрочнение позиции говорящего за счет опровержения позиции адресата**. Опровержение – рассуждение, направленное против тезиса с целью установления факта его ложности. Ироничное опровержение комбинирует эмоциональную и рациональную оценку, побуждая адресата самостоятельно осознать суть иронической критики, выявить недостаток. Так, опровержение определенного положения, тезиса, высказывания может сопровождаться упрочением связи со слушателем. К примеру, главный нарколог оспаривает статистические данные ВОЗ о первенстве страны по количеству алкоголя на душу населения. Опровержение снабжено ироничным риторическим вопросом и притворными восклицаниями: *Сусветная арганізацыя аховы здароўя ўручыла нам пальму першыинства па колькасці ўжытых на душу алкалітраў. Праўда, галоўны нарколаг, сумленны чалавек, выступіў з абвяржэннем: «Гонар аказаны не па праве, так, мы бухаем, але хіба больш за іншых? Маіце сорам, спадарства! Лаўры тут належаць не нам!».*

В следующем англоязычном высказывании профессор Трефузис на вопрос ученика, будет ли он жульничать, отвечает показным, притворным опровержением, приводя следующие аргументы: *I'm an Englishman* ‘я англичанин’; *schoolmaster* ‘учитель’; *setting an example to his young charges* ‘подаю пример молодым подопечным’; *cricket – is the most artistic and beautiful game man ever devised* ‘крикет – самая артистичная и прекрасная из когда-либо придуманных игр’. Наигранное удивление формируется при помощи риторического вопроса и ложного восклицания. В итоге, противореча собственным доводам, профессор в ультимативной форме отвечает *of course I'll cunning well cheat* ‘безусловно, я буду жульничать’, подчеркивая абсурдность изначально заданного вопроса:

– ‘*You won't cheat will you, sir?*’

– ‘*Cheat? Good heavens! This is an amateur cricket match amongst leading prep schools, I'm an Englishman and a schoolmaster supposedly setting an example to his young charges. We are playing the most artistic and beautiful game man ever devised. Of course I'll cunning well cheat. Now, give me my robe and put on my crown. I have immortal longings in me*’.

‘– Но вы же не станете жульничать, сэр? – Жульничать? Боже милосердный! У нас любительский крикетный матч двух команд подготовительных школ, а я англичанин и школьный учитель, которому следует подавать пример своим юным подопечным. Мы играем в самую артистичную и прекрасную из когда-либо придуманных игр. Безусловно, я буду жульничать. А теперь подай мне мантию, надень венец. Я весь объят желанием бессмертья’.

Такая функция, как **раскрытие сути объекта иронии**, часто коррелирует с акцентированием и высмеиванием наиболее выдающегося признака. В частности, в ответ на восторженный рассказ начальника о своем отпуске адресант иронии язвительно резюмирует, что все комплименты сводятся к еде и устройству туалетной комнаты. Продюцент подразумевает, что если других впечатлений нет, то отпуск был не слишком насыщенным: – «*Люкс*»

у мяне быў, скажу вам, ва ўнітаз, як у лостэрка глядзеўся. А што за беф-строганаў нам падавалі, ууу! А зразы, шашлыкi – ммм. На дэсерт шампанскае з клубніцамі, ооо! А лазенка, лазенка... у вясковым-та стылі... эхххх!

– Раблю выснову, што акрамя кухні і клазета, вы нічога ў тых паездках не пабачылі. Працэсы хоць не надта творчыя, але ўзаемазавязаныя.

В англоязычном дискурсе данная функция также успешно осуществляется. Иронизировать над более удачливой соперницей – единственный способ сохранить самообладание. Ироничность высказыванию придает сравнение помощницы мистера Дарси Наташи, обладательницы модельных параметров, с верблюдом: *She was so tall and thin she hadn't felt the need to put heels on, so could walk easily across the lawn without sinking, as if designed for it, like a camel in the desert* 'Она была такая высокая и стройная, что у нее не возникало необходимости надевать туфли на каблуках – ей удавалось идти по траве легко, не утопая в земле, словно она была создана для этого – как верблюды в пустыне'.

Обратим внимание на функцию **маскировки истинного отношения**, позволяющую говорящему избежать однозначного толкования своих суждений. С помощью иронического «кода» говорящий может избежать излишней определенности и категоричности, если не хочет звучать слишком жестко, грубо. К примеру, героиня Инга, с присущей долей комизма и сарказма, описывает желающих поучаствовать в «конкурсе позитива», которые никак не ассоциируются с названием мероприятия. Графическими сигналами критического отношения являются: слово *лякарства*, выделенное курсивом, а также взятые в кавычки слова *духоўнасць*, *мемуары*, *заставайцеся з намі* – свидетельство того, что включаются в текст не в прямом значении, а используются в ироническом смысле: *Для гэтага прыдуманы «конкурс пазітыву». Адстаўнікі, якія адточваюць набытыя на палігонах навыкі ў побытавых скандалах, заклікаюць мяне абудзіць у сабе «духоўнасць»; паэткі, у чыіх торбах набразгваюць бутлі з лякарствам для каханага, дэкламуюць вершы; ветэраны КПСС, ээгсумаваныя кіраўніцтвам з невядомымі мэтамі, цягнуць мне свае «мемуары». Усе яны лічаць: заклікі дыктараў «Заставайцеся з намі!» трэба разумець літаральна.*

В англоязычном дискурсе на реальное отношение героини к секретарше своего возлюбленного также указывают графические сигналы: выражение *perfectly pleasant* 'вполне приятна', взятое в кавычки; авторский комментарий в скобках (*cow*) 'корова'. Данные сигналы в сочетании с нарочито доброжелательным настроением Бридж сигнализируют о наличии иронической двусмысленности и маскировке негативного отношения: *Am just so happy. Do not feel angry with Rebecca but generous and accepting. She is "perfectly pleasant" (cow)* 'Я так счастлива. У меня нет злобы к Ребекке, я великодушна и все прощаю. Она «вполне приятна» (корова)'.

Функция **урегулирования разногласий (избежание излишней категоричности)** является удобным и наглядным способом донести до коммуникантов свои пожелания и требования. Например, реплики героини минимизируют

строгость ультиматума ее бойфренда. Для того, чтобы склонить его к совместному проживанию, Алина приводит ироничные аргументы: *прызначым хамяку асобны пакой* – што можно истолковать как гиперболизацию или намеренный алогизм; *магу паклясціся на кулінарнай кнізе, што буду кожны дзень варыць табе рытуальны боршч* – аллюзия на клятву на Библии, чтобы подчеркнуть непреложность и торжественность своего обещания; высказывание *нішто не пагражае тваёй цнатлівай чысціні* явно имеет антифрастическое значение, исходя из контекста. Ирония, как способ убеждения или смягчения категоричности, может быть эффективна при условии, что продуцент не перейдет границу черного юмора, а реципиент верно распознает интенцию говорящего:

– Я не гатовы прачынацца з табой у адным ложку!

– Гэта не праблема. У маёй невялікай кватэрцы цэлых чатыры пакоі, будзем спаць у розных, пакуль ты да мяне не прывыкнеш. А як захочаш завесці сабе хамяка, мы яму таксама прызначым асобны пакой.

– Навошта мне хамяк?

– І праўда, хто за ім будзе глядзець! Я амаль не бываю дома. Так што нават і не ведаю, калі мы зможам з табой апынуцца ў адным ложку. Бачыш – тваёй цнатлівай чысціні нішто не пагражае. Канешне, я не магу паклясціся на кулінарнай кнізе, што буду кожны дзень варыць табе рытуальны боршч.

Избежание категоричности – способ уклониться от морального травмирования адресата, выражая критику имплицитно. В романе «Шопоголик на Манхэттене» Люк иронично и ненавязчиво дает понять своей девушке, что ее медленное вождение провоцирует пробку на дороге. Тем не менее женская манера управления транспортным средством часто становится предметом комического осмеяния: *“My petal,” says Luke beside me. “You’re causing a traffic jam” I glance into my rear mirror – and there are three cars creeping along behind me. Which is ridiculous, because I’m not going that slowly. “Try moving it up a notch,” suggests Luke. “Ten miles an hour, say?”* – Солнышко, – Люк наклоняется ко мне, – из-за тебя выстроилась очередь. Я смотрю в зеркало заднего вида и замечаю, что за мной ползут целых три машины. Не понятно, с чего бы это – не так уж медленно я еду! – Попробуй немного прибавить скорости, – предлагает Люк. – До километров двадцати в час для начала?

Ирония в белорусском и английском контекстах выполняет функцию **самозащиты**. Ироничным ответом продуцент понижает градус деструктивной критики в свой адрес, вербально оправдывает свои действия или отстаивает интересы. Он защищается от обобщенного упрека в адрес «всего мужского рода» и при помощи насмешливого олицетворения *у тэатры тонкая душэўная арганізацыя ёсць нават у швабры* переводит разговор в игровое русло:

– Іосіфаўна, у мяне тэмпература трыццаць восем, як у Турцыі.

А яна мне: – ну і мужыкі пайшлі! З тэмпературай трыццаць восем не могуць выйсці на працу!

– *Гэта не завод – гэта тэатр, дзе тонкая душэўная арганізацыя ёсць нават у швабры.*

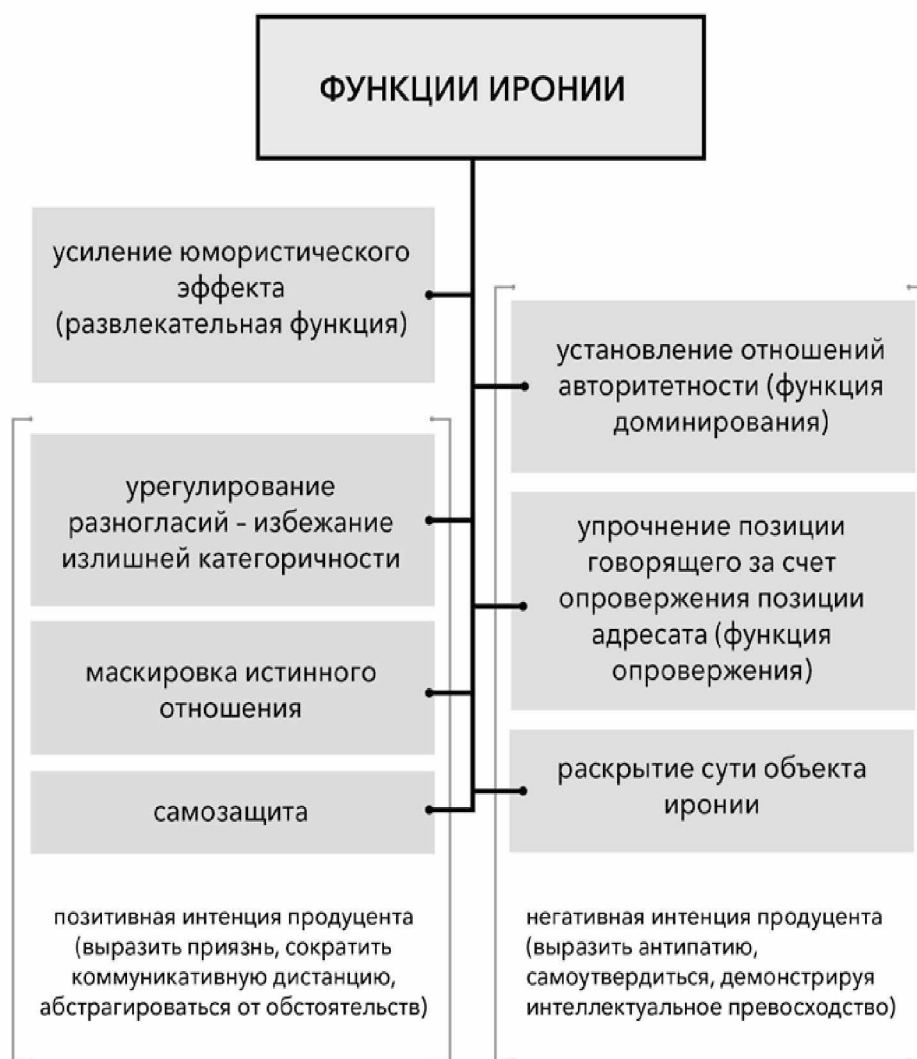
Нижеприведенное высказывание принадлежит Теду Уоллису, обладателя солидной комплекции, однако он не комплексует по поводу фигуры, далекой от канонов красоты, а самоутверждается за счет высмеивания полных людей и утрирования их размеров. Язвительный комментарий в сторону собеседника защищает говорящего от принятия собственной проблемы с лишним весом: *Given our respective weights, it would probably be fairer if the horse got on my back and rode me* ‘При нашем весовом соотношении, – ответил я, – будет, возможно, честнее позволить лошади взгромоздиться мне на спину и прокатиться немного’.

По параметру интенсификации экспрессивности можно выделить отдельную функцию **усиления юмористического эффекта (развлекательную)**, которая актуализируется параллельно с осуществлением любой другой и является причиной частого объединения иронии с юмором, то есть описания ее в рамках этической категории комического.

Противоречие здравому смыслу без интенции упрекнуть или высмеять недостаток может реализоваться вышеприведенной функцией. Например, комичная ситуация, когда бабуля, не помня, когда именно день поминовения усопших, каждую пятницу ставит на стол кутью (кутья – традиционное блюдо православной поминальной трапезы): *Мая баба Ганна казала, што на пятніцах напярэдадні вялікіх царкоўных святаў трэба пакідаць куццю на сталe для продкаў. Але бабуля не ведала, калі тыя святы, і пакідала куццю штопятніцу.*

Игровой эффект в следующем примере достигается благодаря пародийному совмещению двух ситуаций: полицейского допроса и телевизионного интервью. Массмедиаальный дискурс в данном примере накладывается на профессиональный дискурс работников правоохранительных органов. Поскольку между данными типами дискурса существует явный контраст, то ирония возникает за счет утрирования одного из них, что является сигналом наличия дополнительного смысла и одновременно развлекает читателей: *Have just been interviewed in my flat by police officers. Started behaving like people who are interviewed on the television after plane crashes in their front gardens, talking in formulaic phrases borrowed from news broadcasts, courtroom dramas or similar. Found myself describing my mother as being “Caucasian” and “of medium build”* ‘Только что меня допрашивали полицейские прямо у меня в квартире. Я вела себя, как люди, которые дают телевизионные интервью после того, как на лужайку перед их домом рухнул самолет, выражаясь официальными фразами, позаимствованными из телепередач, судебных разбирательств и других подобных источников. Поймала себя на том, что описываю маму как «женщину европеоидной внешности» и «среднего телосложения»’.

Проведенный анализ фактического материала позволил систематизировать функции иронии, показанные на рисунке.

Функциональный потенциал иронии

Основываясь на примерах, выявленных в разноструктурных языках, можно предположить, что реализация лишь одной из вышеприведенных функций не противоречит параллельному осуществлению других. Например, любая из приведенных функций может сопровождаться процессами ее интенсификации. Ирония полифункциональна, так как маскировка истинного отношения может быть сопряжена с развлекательной функцией, при этом первая обязательна, вторая факультативна.

Анализ фактического материала показал, что иронический тип общения – наиболее подходящее средство для решения коммуникативных задач, которые невозможно разрешить без обращения к имплицитным смыслам, подтексту. Продуцент обращается к иронии, чтобы извлечь выгоду из неоднозначности трактовки. При помощи иронии можно не только избежать тривиальных суждений, продемонстрировать незаурядность ума и гибкость мышления, но и снизить официальность сообщения, сократить коммуникативную дистанцию между говорящими, чтобы, не нарушая принципов кооперативности общения, устанавливать и упрочнять дружеские связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 л.
2. *Hutcheon, L.* The Complex Functions of Irony / L. Hutcheon // *Revista Canadiense De Estudios Hispánicos.*– 1992. – Vol. XVI, 2. – P. 219–234.
3. *Гомлешко, Б. А.* Прагматические функции иронии в тексте / Б. А. Гомлешко // *Вестн. Адыг. гос. ун-та.* – 2008. – Вып. 3 (31). – С. 11 – 13.

Поступила в редакцию 18.03.2021